

Перед зеркалом

– Не могу угодить ей, не могу – и всё тут! Так и этак изображал, и анфас, и в профиль, и вполоборота, всё не то! И ладно бы я портреты писать не умел, или было бы там что-то этакое!

По пути к дому заказчика Петер внезапно разворчался. Обычно добродушный и спокойный, сегодня он был сердит, и даже слишком. С его слов Йерун вскоре понял, в чём дело.

Петер писал портрет супруги богатого купца. Казалось бы, для обученного живописи человека нет ничего проще – людей Петер изображал с охотой едва ли не большей, чем Йерун – чертей и альраунов. Но заказчик, а точнее, заказчица, оказалась на редкость привередливой особой. Йеруну предстояло побывать у неё впервые. А Петер, похоже, уже успел потерять не только счёт времени, но и собственное терпение.

– Я одних только грифельных набросков сделал уже штук сорок, – делился Петер по дороге. – Сколько тружусь над этим, тут два портрета написать можно, в рост, понимаешь?

– А ей не нравится?

– Ничего такого не говорит. Только просит, сделай, мол, ещё. То так, то эдак, то теперь вот так! – с этими словами Петер передал товарищу сумку с инструментами и встал в какую-то немыслимую позу – повторить её Йерун бы не взялся.

«Дай женщине выбор, и узнаешь, что значит вечность», – сказал как-то отец Йеруна. Тогда юноше невдомёк было, что значат эти слова.

– Что ж ей нужно?

– Я разумею, не портрет. Пожалуй, сама возня вокруг неё!

– Я не понимаю!

– А чего тут понимать? Жена молодая, муж ей в отцы годится. На прихоти её денег не жалеет, кормит-поит, а сам не то… Ну вот, скучно хозяйке.

– А ты сегодня зол!

– Обозлишься тут! Я пустых дел страх как не люблю! И дядя твой не любит, и отец, надо полагать, тоже! Потому они и мастера, что на чепуху в своё время не разменивались! Мне мастер Ян объяснял, правда, вначале, мол, не чепуха это.

– Помню, – кивнул Йерун. – При мне же говорили.

– Да, он сказал, упражнялся, мол, сколько ни доведётся, хоть месяц, хоть два. Она одна за десятерых сойдёт. Всё опыт. Умом понимаю, что так, а работаю уже через силу! Это мне, мастеровому, завершить бы заказ да дальше трудиться, работы ещё невпроворот. А ей – хоть до второго пришествия, пока не надоест! Достаток есть, хлопот особенных не заметно. Вот и забавляется.

– Может, заигрывает?

– Чего там! Слюни можно подобрать, дело пустое. Мастеровые для таких как она не мужчины, так, прислуга со стороны. Такие дамы если мечтают, то о сеньорах! Да желательно чтобы вели себя, как в «Романе о розе» написано.

Йерун подумал, что если так, то Адель в самом деле была чем-то особым, из тех прекрасных счастливых случайностей, что происходят одна на тысячу. Подумал – и поспешил отогнать мысль о Белой даме – страшная тоска подступила мгновенно.

– Какой-такой роман? – спросил он.

– «Роман о розе». Печатают его в виде книжки, а сочинили лет двести тому. Кажется, французы. Я раз у неё увидел, так вспомнил. Она же мне как-то читала оттуда, пока я работал! Чтобы самой развлечься. А мне те вирши не в радость.

– Она грамотная?

– Да, представь себе. Так я о романе. Там какой-то парень забрёл в сад, увидел девушку, а дальше всё как обычно. И обо всём этом – необыкновенно длинно и чертовски нудно! Он только со сторожем в саду полдня раскланивался. А тот полдня увещевал его, мол, тебе тут, парень, не место! Они, кто сочинял всё это, на сторожей-то в чужом саду хоть раз натыкались?

– Да, те болтать не любят! Палкой по хребту и за шиворот – вот и весь разговор!

– Я сам раньше пробовал читать – не смог! Небом клянусь, так долго о коротком рассказывать только французы умеют, они те ещё болтуны! А кто-то начитается и туда же! Понапридумывают себе сеньоров, каких в жизни не встретишь! Как же это... – Петер запустил пальцы под шапку и поскрёб макушку, вспоминая сложное слово. – Кур-ту-аз-ных!

– Каких-каких? – переспросил Йерун.

– А вот таких, изысканных, что ли. Чтобы на лютнях играли, да стихами разговаривали, да про естество – сплошными загадками.

– Загадки про естество – так это же весело!

– Тьфу, пропасть! Не те загадки, Йерун! Не те, что мы за пивом загадываем!

Йерун вздохнул. Кажется, день обещал выдаться не из лёгких. «Чем бы помочь Петеру? – подумал он. – Бедняга, чего доброго, не сможет работать как следует. Никогда не видел его таким сердитым!».

Петер, похоже, подумал о том же самом. Он задрал голову, посмотрев на небо – погода стояла ясная, глубоко вдохнул и шумно выдохнул:

– Ну, полно ворчать-то. Работать будем! Всё же женщину молодую писать, а не камень глупости из Лубберта Даса выколупывать!

Вспомнив камень глупости в голове незадачливого бургера, друзья долго смеялись. Дело в том, что именем Лубберт во Фландрии и Брабанте называли простофиль. Простофильт было много, но имя Лубберт Дас звучало так громко и горделиво, как будто его обладатель занимал должность бургомистра, не меньше.

– И то верно! – улыбнулся Йерун. – Дам рисовать куда приятнее!

– Послушай, а не выручишь меня? – спросил вдруг Петер.

– Чем я-то могу помочь?

– Начни сегодня ты, сделай её набросок! По-своему. У тебя взгляд чудной, с моим несходий. Может, у тебя получится угодить хозяйке. Я потом всё напишу, красками-то я работаю споро. Рисунок мне с неё никак не даётся!

– А рисунки-то у тебя с собой есть? – поинтересовался Йерун. – Взглянуть не помешает!

– Всё там, на месте. Она же от них не отказывается, работу мою не бранит. А остановиться не может! Ещё мол, да ещё попробуй. А для меня это значит, что я с наброском не справился, раз дальше двигаться не могу. Мне как мастеровому это обидно!

– А какая она из себя?

— По мне — обыкновенная, хозяйка и хозяйка. Не осточертела бы за столько дней — счёл бы её даже недурной наружности. Придём — сам увидишь. И её саму, и мои наброски. Да вот он, и дом виден. Считай, пришли.

У хозяйки была светлая кожа, где следует, окрашенная здоровым румянцем. Большие серые глаза глядели с любопытством. В сочетании с пухлыми губами и волнистыми белокурыми волосами, выбивавшимися из-под белого чепца, взгляд этих глаз создавал впечатление, что хозяйка остаётся ребёнком. Миловидной девочкой, может быть, единственной дочерью большого семейства. Вероятно, избалованной вниманием и любовью старших — прежде отца и братьев, а теперь пожилого мужа, потакавшего прихотям молоденькой жены.

Однако, несмотря на неуловимую детскость в своём облике, хозяйка была женщиной в расцвете красоты и силы, и Йерун увидел именно это. Он нередко сравнивал облик людей с внешностью птиц — это сравнение нравилось ему особенно. Птиц Йерун любил и знал великое множество, и охотно изображал при всяком удобном случае. В этот раз он впервые увидел женщину, внешне схожую с лебедем. Что тому причиной, он не стал бы даже раздумывать — белизна лица и шеи, какая-то особенная стать, или, может быть, форма носа — чуть более крупного, чем предписывали идеалы красоты, но смотревшегося удивительно гармонично. Скорее всего, всё вместе.

К приходу художников женщина принарядилась — на ней был праздничный чепец и нарядное платье: бирюзового оттенка, с широкими рукавами. Дамы нередко подпоясывались высоко, под самую грудь — такой намёк на беременность считался весьма красивым. Так же поступила и мефрау Лебедь (так Йерун успел прозвать её про себя), однако высоко поднятый пояс лишний раз подчеркнул не живот, а высокую, весьма внушительную грудь хозяйки.

«Как же сильно раздосадован Петер, если не любуется ею!» — подумалось Йеруну. Он и сам, пожалуй, залюбовался бы, и испытал все мыслимые восторги, но только не теперь, когда любая мысль о женщине мгновенно будила воспоминания о любви белой дамы. Впрочем, взглянув на наброски, сделанные Петером, Йерун убедился, что его товарищ потрудился на совесть, весьма похоже изобразив лицо хозяйки с нескольких ракурсов. Были и изображения в рост, и по пояс. Проще сказать, для фантазии Йеруна после всего этого множества рисунков простора не оставалось. «Чего же ей ещё желать?» — спросил себя юноша.

Он решился спросить хозяйку о её пожеланиях или предпочтениях — и вскоре начал понимать, отчего сердится Петер. Оказалось, что мефрау Лебедь — или Анна, как звали её на самом деле — говорит гораздо больше, чем хотелось бы её собеседнику. И говорит большей частью о своей особе.

— Ах, уныние — мой тяжкий грех, — щебетала она. — Вы и представить себе не можете, господа живописцы, как мне не по нраву собственная внешность! Ну что, что красивого люди находят в этих пухлых щеках? В этом торчащем вперёд носу? В этих глупых светлых кудряшках? Знали бы вы, как угнетает видеть всё это каждый день! — она указала рукой на овальное зеркало в резной раме, перед которым не забывала вертеться.

Йерун открыл было рот, чтобы возразить, но Петер, поняв его без слов, приложил палец к губам и сделал страшные глаза.

— Молчи! — шепнул он, улучив мгновение, когда Йерун оказался с ним наедине. — Не переспоришь! Всё ей нравится, даже слишком!

— Вот я и говорю, господа, что моя внешность — мой тяжкий крест! — Анна говорила и говорила, её голос, не в пример словам, вовсе не казался огорчённым. Если только Йерун верно понимал фламандский язык — а в этом сомнений быть не могло — уныние проявлялось несколько иначе. — Я совсем, совсем нехороша собой!

С этими словами она снова прошлась перед зеркалом, на ходу поправив чепец.

— Но мой муж убеждён в обратном, — не унималась хозяйка. — Ах, старый чудак! Он даже захотел изобразить меня на портрете! Не спросив, хочу ли этого я! Что поделать, я всего лишь слабая женщина, слово супруга — закон для меня!

— Может, есть то, как вы пожелали бы увидеть себя на портрете? — Йерун осторожно напомнил о том, с чего начался разговор.

— Ох, мастер, вы, верно, не расслышали меня! Я не рада видеть себя в зеркале, а вы говорите о пожеланиях! Вы же владеете искусством изображения всего, что видите, неужели вы не поможете мне решить эту задачу! Ведь для меня это — сущее испытание!

Йерун глядел то на хозяйку, то на наброски, сделанные Петером. Не заметно было, чтобы Анна не одобряла их — все как один рисунки были любовно развесаны на стене — не всякий художник, взявшись оценивать работы ученика или подмастерья, уделили бы им столько внимания. «Нет, — подумал Йерун. — Тебя не тяготит твоя внешность. Тебе не хватает восхвалений. И никогда не хватит». Йерун понял, отчего Петер так недоволен обществом мефрау Анны. Стоило только послушать откровения этой самовлюблённой женщины, как её лебяжья красота переставала вдохновлять, и даже просто радовать глаз. Она раздражала, подобно излишне яркому свету, за которым не было ничего.

Внезапно Йерун нашёл решение.

— Я помогу вам, сударыня! — сказал он. — Будьте уверены, и вы, и ваш супруг останетесь довольны.

Часа не прошло, как грифельный набросок был готов. В самых точных линиях Йерун изобразил мефрау Анну, стоявшую перед зеркалом. Она поднимала руки, поправляя чепец — и была обращена спиной к зрителю.

— Что это значит? — хозяйка явно не ожидала такого поворота.

— Мы в Брабанте обожаем загадки, — ответил Йерун. — И полагаем, что загадка есть в настоящей красоте! Пусть тот, кто взглянет на портрет, написанный таким образом, попробует разгадать её!

— Как занятно! — воскликнула мефрау Анна. — А ведь... Вам удалось сделать то, чего хотелось мне! Ведь ни одну даму ещё ни разу не написали со спины, и настолько точно! Правда, у меня широкие плечи, это, скорее плечи солдата, чем плечи красавицы, ну да ничего!

Йерун завершил набросок, далее за работу принялся Петер — он перенёс рисунок товарища на доску, Йерун тем временем приготовил краски.

— Йерун, — сказал довольный Петер спустя пару дней, когда портрет был готов. — А ведь я разгадал твою загадку.

— Это какую же?

— На твоём рисунке из-за шкафа выглядывает длинный и худой чёрт и услужливо держит зеркало!

— Всё-то ты заметишь, дружище! — улыбнулся Йерун.

— Я не стал выписывать его красками. Но повеселился знатно!